

И. О. Приходченко^{1, 2}

✉ pisenko@mail.ru

¹Высший колледж имени М. Канапьянова НАО «Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана», г. Павлодар, Республика Казахстан

²Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Локальный текст Павлодара в мемуарах А. В. Миля «Люди и судьбы. Воспоминания»

Аннотация: Статья посвящена актуальному направлению современного литературоведения, локальному тексту, в частности, его особенностям в литературной традиции изображения Павлодара. Исследование проведено на материале мемуаров «Люди и судьбы. Воспоминания» Абрама Вениаминовича Миля, который, проведя 1930-е годы в Павлодаре, описал свои воспоминания о жизни города в довоенное время. Изучение павлодарского локального текста в мемуарах Миля проведено в трёх аспектах: природно-географическом, хронотопическом, социально-бытовом. Основным методом в исследовании выступил анализ мотивов, в результате которого высказано предположение: литературный локальный текст Павлодара в прозе Миля базируется на двух тесно связанных пересекающихся лейтмотивах, а именно пограничность и провинциальность, которые выражаются в тексте в частных мотивах, воплощающих различные ипостаси населенного пункта: город-граница, город-край мира, город-сон, город-прошлое, город-деревня, город-тюрьма и другие. Выводы опираются на многочисленные цитаты из произведения. Статья представляет собой ранее никем не предпринятую попытку научного описания и анализа мемуаров А. В. Миля и, являясь одной из первых в рамках изучения павлодарского литературного локального текста, может послужить фундаментом для дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: образ города, локальный текст, провинция, Павлодар, мемуары.

Дата поступления статьи: 16 августа 2023 г.

Для цитирования: Приходченко И. О. (2024) Локальный текст Павлодара в мемуарах А. В. Миля «Люди и судьбы. Воспоминания». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 48–61. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.5.

Scientific article

I. O. Prikhodchenko^{1,2}

✉ pisenko@mail.ru

¹Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

²Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

The local text of Pavlodar in the memoirs of A. V. Mil' “People and Destinies. Memories”

Abstract: This article is devoted to the current direction of modern literary criticism, the local text, in particular, its features in the literary tradition of the image of Pavlodar. The study was conducted on the material in the memoirs “People and Destinies. Memories” by Abram Veniaminovich Mil, who, having spent the 1930s in Pavlodar, left unique memories of the city’s life in the pre-war period. The study of the Pavlodar local text in Mil’s memoirs was made in three aspects: natural-geographical, chronotopic and social-domestic. The main method in the study was the analysis of motives, as a result of which the assumption was made: the literary local text of Pavlodar in Mil’s prose is based on two closely related intersecting leitmotifs, namely borderliness and provinciality, which are expressed in the text through particular motives embodying various hypostases of the locality: city-border, city-edge of the world, city-dream, city-past, city-village, city-prison, and others. The conclusions are based on numerous quotations from the work. The article is an attempt at a scientific description and analysis of A.V. Mil’s memoirs that has not been undertaken by anyone before and, being one of the first in the framework of the study of the Pavlodar literary local text, can serve as a foundation for further research in this area.

Keywords: image of a city, local text, province, Pavlodar, memoirs.

Paper submitted: August 16, 2023.

For citation: Prikhodchenko I. O. (2024) The local text of Pavlodar in the memoirs of A. V. Mil' "People and Destinies. Memories". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 48–61. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.5.

Введение

Локальный текст – относительно новое многозначное литературоведческое понятие, касающееся в широком смысле отношений художественного произведения и места, чаще всего города. Примечательно, что «пространство, местность, место (одним словом, локальность) стали предметом литературоведческого интереса сравнительно поздно, лишь в XX веке» (Приходченко, 2023). Определить город как текст со своей семантикой предлагали такие зарубежные учёные, как Клод Леви-Стросс (Леви-Строс, 2001), Кевин Линч (Линч, 1982), Чарльз Дженкс (Дженкс, 1985), Ролан Барт (Барт, 2003). В русской науке о неповторимом образе города, живом и меняющемся, впервые заговорил Н. П. Анциферов (Анциферов, 1922), чьи идеи в фундаментальных исследованиях образа Петербурга развивали В. Н. Топоров (Топоров, 1995) и Ю. М. Лотман (Лотман, 2000). На сегодняшний день локальный текст разрабатывается рядом русистов, рассматривающих как русские города, так и зарубежные.

Необходимо подчеркнуть, что «изучение локального текста является одним из перспективных направлений современного литературоведения» (Приходченко, 2022). Это замечание актуально и для Павлодарского Прииртышья, т. к. слабая изученность истории русской литературы Павлодара требует пристального внимания и больших исследовательских усилий со стороны местных филологов. Так, до недавнего времени «в отличие от русскоязычной поэзии Павлодара 30-х гг. XX в., ярко представленной в первую очередь творчеством Павла Васильева, павлодарская проза 30-х на русском языке <...> считалась отсутствующей» (Приходченко, 2022), по причине чего профессор Н. Г. Шафер, известный в городе литературовед, назвал «белым пятном» (Нуркенова, Токатова, 2013, с. 227) этот этап развития местной русской словесности. Обнаружение и опубликование «Павлодарских былей» Г. А. Бешкарева (Бешкарев, 2013), а также газетные публикации, посвящённые воспоминаниям А. В. Миля о Павлодаре 1930-х годов (Ковалёв, 2015), позволили заполнить эту пустоту и включить названные тексты в литературный процесс Павлодарского Прииртышья.

Методы

Методологической основой представленного исследования является мотивный анализ как частный пример структурного анализа в сочетании с таким общенаучным методом, как описание и сравнение, и таким частнонаучным, как интерпретация. В частности, в процессе «медленного чтения» были выделены мотивы, так или иначе связанные с павлодарской локальностью, которые в процессе описания и сравнения были распределены по нескольким сферам, соотносящимся с различными аспектами рассмотрения локального текста Павлодара, как то хронологический, природно-географический, социально-исторический аспекты.

Результаты

Фонем для истории интеллигентной еврейской семьи, вынужденной из страха преследований перебраться из столицы в отдалённый уголок Советского Союза, выступает город на Иртыше, который с 1929 по 1939 стал для беглецов домом. Семейный быт и личные переживания детских лет автора перемежаются с социально-бытовыми картинками жизни города в довоенное время, что во множестве деталей формирует локальный текст Павлодара 1930-х годов, в котором ведущие роли играют лейтмотивы пограничности и провинциальности, выражающиеся в ряде пересекающихся частных мотивов: город прошлого, город-сон, город-тюрьма, город на краю мира, город ветра, город песка и др.

Впечатление, сложившееся у Миля и его семьи от знакомства с Павлодаром, мемуарист выражает в одном из первых абзацев тремя свойственными местному локальному тексту характе-

ристиками: экстремальные климатические условия, относительно низкий уровень цивилизованности города и медлительная жизнь: «...нас подавлял *изнуряющий зной, дикость нравов и сонное существование*» (Миль, 2011) (*Здесь и далее курсив наш. — И. П.*). В рамках исследования литературного локального текста Павлодара на примере мемуаров А. В. Миля указанные выше признаки необходимо рассмотреть с точки зрения природно-географического (пограничность), социально-бытового и хронотопического аспектов (провинциальность) локального текста Павлодара 1930-х годов.

Природно-географический аспект заключается в том, что Павлодар в мемуарах Миля – типичный провинциальный городок на окраине, на границе миров (привычного и экзотического) и культур (своей и чужой). Детский взгляд на город в прозе Миля преобразует пограничность, связанную с его провинциальностью, наделяя ее мифопоэтическими чертами. Данная черта требует подробного рассмотрения.

Из семантического поля концептов литературного локального текста Павлодара (свое-чужое, метрополия-колония, центр-периферия), в отношении к мемуарам Миля, особое внимание обращает на себя концепт границы. Зародившись в первой четверти XVIII века как Коряковский военный форпост («Коряковский форпост в числе некоторых других подобных укреплений на Иртыше был основан в июле 1720 года» (Тереник, 2001, с. 15)), Павлодар всегда находился в том или ином смысле на границе, причём пограничность его положения, выражающаяся в имплицитном сочетании противоположностей, поныне проявляет себя в разных измерениях городского бытия.

Самое стабильное и, вероятно, заметное из указанного выше – это сочетание русского и казахского. Основанный как часть Иртышской линии укреплений («...для связи между крепостями (*имеются в виду Омская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости. — Прим. И. П.*) <...> был построен ряд форпостов: Ачаировский, Черлакский, Коряковский, Осьморыжский, Чернорецкий, Семиарский, Убинский» (Тереник, 2001, с. 17)), Павлодар должен был защищать сибирские города на севере от набегов степняков, затем он стал пунктом пересечения и смешения двух культур.

Указанное сочетание отчасти обнаруживается и в рассматриваемой эпохе. Локальный текст Павлодара как города, условно говоря, находящегося на границе между русским и казахским, обнаруживает в мемуарах Миля указания как на первое («Население Павлодара, в основном, составляли русские» (Миль, 2011)), что преобладает в мемуарах Миля, так и на второе, что эпизодически разбросано по тексту. В начале воспоминаний Миль указывает, что «...в городе жило небольшое количество украинцев, татар и, конечно, казахов» (Миль, 2011). Описывая Павлодар в первых абзацах мемуаров, он отмечает, что «на краю города, в стороне противоположной реке, расположились низенькие саманные домишки-мазанки. Туда поздней осенью приходили со своими стадами кочевые казахи» (Миль, 2011).

Цельное представление о местных жителях Миль даёт читателю с помощью образа пожилого казаха Мекеша: «Был он невысок, с маленькими изящными руками азиата, с седой реденькой бородкой и опущенными вниз усами. Всегда улыбчивый и приветливый, он здоровался за руку с каждым из домочадцев, сжимая двумя руками руку собеседника и находя для каждого доброе слово» (Миль, 2011). Мемуарист указывает, что «говорил Мекеш по-русски довольно сносно и был кладезем народной мудрости и светлого ума» (Миль, 2011). Рассказывая о приездах Мекеша в дом Милей, автор подмечает национальные черты и традиции, такие как разговоры по душам, долгие чаепития, обучение верховой езде детей: «... после обстоятельного чаепития и разговоров “за жизнь” <...>, он вставал из-за стола и хитро глядя на меня лучистыми щёлочками глаз, говорил: “Ну, кишкене, айда!”. Мы выходили во двор, он отвязывал от кормушки под навесом свою лошадку и сажал меня в седло» (Миль, 2011).

Также упоминаются предметы быта с элементами казахского декоративно-прикладного искусства, такие как «настоящая казахская нагайка» («Ручка её из крепкого дерева была до блеска отполирована ладонями прежних владельцев, а ремень был сплетён из тонких полосок сыромятной кожи...» (Миль, 2011)) и «настоящее казахское седло – деревянное, с высокой лукой и с яркой бархатной подушкой, выстеганной красивым национальным узором» (Миль, 2011).

Пограничность между русским и казахским не единственная из свойственных Павлодару. Выше город был назван степным, но лишь в том значении, в каком под степью понимают колыбель кочевого казахского народа. В собственно географическом отношении Павлодар также занимает пограничное положение, находясь, с одной стороны, на границе Западной Сибири, традиционно ассоциирующейся с русской тайгой, и Сарыарки, традиционной ассоциирующейся с казахским простором, а с другой стороны, на границе сухой жаркой безлесой степи и напоённой прохладной влагой лесистой поймы Иртыша.

В плане пространственного расположения безотносительно политических и культурных границ Павлодар также занимает пограничное положение, находясь на высоком берегу реки, над низкой, широко заливаемой каждый год паводком поймой. В этом отношении примечательно, что, несмотря на долгосрочные градостроительные планы («В 80-х годах <...> начнётся освоение левобережья Иртыша <...> Начнётся строительство <...> и Левобережного жилых массивов на пойменных землях <...>» (Соколкин, 1982, с. 64)), Павлодар, в отличие от других городов на Иртыше, до сих пор остается расположенным лишь на одном берегу (левый берег Иртыша около города не застроен), что ассоциируется с противостоянием человеческого, культурного, и природного, дикого.

Названные оппозиции в некоторой степени проявились в мемуарах Миля. Анализ его воспоминаний интересен, помимо прочего, тем, что автор является приезжим и смотрит на Павлодар свежим взглядом.

Пограничность Павлодара у Миля реализуется также в образах-пейзажах, основанных на архетипическом мотиве края мира (примечательно, что один из ссыльных, Павел Васильевич Гельмерсен, своим появлением принес Милям «в ровную провинциальную жизнь весь мир», что подчёркивает удалённость Павлодара от всего мира, его окраинность), который, согласно мифологическим представлениям многих народов, характеризуется дисгармонией, выражающейся, в отличие от уравновешенного и стабильного центра мира, в экстремальных состояниях окружающей среды и многочисленных катаклизмах, представленных в буйном характере природы, бурном протекании процессов в ней (так, говоря о первой весне в Павлодаре, Миль определяет её «тоже резкая, быстрая, бурная» (Миль, 2011), под «тоже» имея в виду вообще павлодарскую погоду), в тяжёлых погодных условиях, с чем в павлодарских главах мемуаров Миля связаны ветер и песок.

У Миля в одном из первых абзацев читаем: «Ветры в Павлодаре дули, практически, постоянно. Исключение составляли зимние, морозные дни <...>» (Миль, 2011). Автор подчёркивает, что ветры были «самым большим злом в тех местах» (Миль, 2011), рисуя картину дисгармонии в местной природе как климатическую норму: ветры (а с ними и песок) властвуют в Павлодаре вне зависимости от времени года – и летом («Они несли летом пыльные бури со смерчами, когда продвигаться по улицам можно было только вдоль стен домов, держась за заборы и защитив глаза от песка специальными очками. А по проезжей части улиц двигались столбики закрученного в тугие спирали песка, порою весьма внушительной величины и силы» (Миль, 2011)), и зимой («Зимой ветры рождали бураны. Начинались снежные заносы, которые в условиях хронического бездорожья создавали серьёзные осложнения в жизни города» (Миль, 2011)).

Неоднократно упоминаемые Милем песок (и пыль как его вариант) («...поднимая тучи песка и пыли...», «...увязая по щиколотку в мелком сыпучем песке...», «...песок летел, забивая глаза, рот, уши, попадая под одежду, в обувь...», «...песок еще и больно сёк кожу лица и рук...», «Я брёл, утопая в песке...», «...заливая соком песок...», «пыльные бури со смерчами», «столбики закрученного в тугие спирали песка, порою весьма внушительной величины и силы» (Миль, 2011)) в сочетании с ветром («При малейшем дуновении ветра песок летел...» (Миль, 2011)) также являются устойчивыми мотивами павлодарского литературного локального текста 1930-х годов. Аналогичные мотивы встречаем в стихотворении Г. А. Бешкарева «Ты утихни, павлодарский ветер...», написанном по воспоминаниям о юности, проведённой в Павлодаре второй половины 1930-х годов: «Ты утихни, павлодарский ветер, / Не тревожь сыпучего песка» (Нуркенова, Токатова, 2013).

Примечательно, что у Миля мотив песка наделён негативными коннотациями. Так, сыпучий песок становится аллегорией гибели: говоря о ссыльных, которых «пыталась уничтожить советская

власть» (Миль, 2011), он использует оборот «втоптать в сыпучие пески» (Миль, 2011), включая его в экспрессивный ряд-амплификацию: «деморализовать, втоптать в сыпучие пески, лишить человеческого достоинства, надежды, здоровья, самой жизни» (Миль, 2011). Наделённый агрессивными действиями (в павлодарском мелком сыпучем песке увязают по щиколотку, в нём утопают; песок забивает глаза, рот, уши; песок больно сечёт кожу лица и рук), песок в павлодарском локальном тексте Милия неявно предстаёт воплощением тёмного, дикого, неразумного, необоримого стихийного начала, ассоциирующегося с ненавидимой автором советской властью: как и политические ссыльные, в окружении которых он рос, Миль и его семья стихийной силой исторических событий выброшены, словно втоптаные в сыпучие пески, на край русского мира, граничащий с чужой, экзотической культурой, в забытый Богом глухой уголок – в провинциальный городок далёкой азиатской колонии.

Обращают на себя внимание встречающиеся на протяжении всего текста фразы, связанные с жарой («жарким летом», «изнуряющий зной», «в эту адскую жару», «Я брёл <...> обливаясь потом» (Миль, 2011)) и морозом («столбик термометра опускался до -35 -40 . Тогда наступал полный штиль и дымы из печных труб поднимались вертикальными столбами», «Перед глазами встаёт зимнее утро тех лет. На улице жестокий мороз», «окутанный клубами морозного воздуха», «Лицо его багрово от мороза» (Миль, 2011)). В глазах Милия-ребёнка Павлодарское Прииртышье наделено признаками мифологической границы мира («Всё это было для меня ново, удивляло и поражало детское воображение» (Миль, 2011)), а именно экстремально противоположные погодные условия.

Мотивы ветра и песка становятся точкой пересечения городского и природного планов павлодарского локального текста у Милия. Неблагоустроенность городского пространства, как черта провинциальности, сочетается с неблагоприятными климатическими условиями пограничности: нецивилизованность, приводящая к крайне дискомфортным условиям жизни, роднит город с дикой природой. Создается впечатление, что в противостоянии города и степи побеждает степь в виде ветра, песка, а также жары и холода. В пользу этого предположения говорит и касающаяся Павлодара реплика Милия, который «впервые оказался в такой непосредственной близости к природе» (Миль, 2011). Данная близость настолько велика, что приводит к проникновению природного в городское, делая Павлодар в мемуарах Милия не вполне городом, полугородом-полудеревней, городом в степи и в некотором смысле городом-степью.

Хронотопический аспект таков, что Павлодар в воспоминаниях Милия – город, оставшийся в минувшем веке. Переезд становится для автора путешествием в прошлое, а поезд, на котором приехала семья, – машиной времени: «Для меня поезд, отошедший от перрона Ленинградского вокзала на восток, оказался машиной времени, которая унесла меня в прошлое», а именно в эпоху «конца XIX – начала XX века» (Миль, 2011). Провинциальность Павлодара обнаруживает себя в свойственном местному локальному тексту мотиве города-прошлого.

Примечательно, что у Милия уездному по духу Павлодару оказывается противопоставлен Ленинград. В «Людах и судьбах» читаем: «Из уклада динамичной жизни третьего десятилетия XX века большого европейского города, каким всегда являлся Ленинград, я был перенесен в сонный мир...» (Миль, 2011). Город-сон – другой локальный мотив, связанный с провинциальностью Павлодара. Примечательно, что время, проведённое в нём, автор обозначает как «тихая провинциальная жизнь» (Миль, 2011).

Миль говорит о Павлодаре как о «далекой азиатской колонии» (Миль, 2011), распространяя это определение на весь регион («...каким был в те времена северо-восточный Казахстан» (Миль, 2011)). Отношение к городу как к колонии в сочетании с обозначением коренного населения словом «аборигены» («Аборигены – казахи – вели кочевой образ жизни...» (Миль, 2011)) конкретизирует точку зрения автора: Павлодар в качестве города прошлого предстаёт в глазах Милия как пространство дореволюционной, царской России – с метрополией (в качестве которой у Милия выступает упомянутый выше Ленинград), колониями, аборигенами, что, к слову, отличается от взгляда Бешкарева. Провинциальность города оказывается фантастической возможностью консервации ушедшей эпохи, в том числе в таком её проявлении, как уже рухнувший на тот момент монархический строй и соответствующий уклад жизни.

Тот факт, что Павлодар принадлежит минувшей эпохе, оценивается автором положительно: «Став взрослее, я смог сопоставить описания жизни русской провинции XIX века с увиденным мною в 1929 году в Павлодаре, и понять, что “машина времени” совершила чудо: я получил возможность прожить не один год в прошлом веке, *ощутить его аромат, прелесть неспешного хода времени...*» (Миль, 2011). Последняя фраза наделяет хронотоп Павлодара идиллическими чертами.

Впрочем, необходимо отметить, что провинциальность города имеет в мемуарах Миля амбивалентную природу. Несмотря на идиллическую окрашенность в некоторых эпизодах повествования, по преимуществу Павлодар Миля – это отсталый провинциальный городок на отшибе («глухой забытый Богом уголок» (Миль, 2011)), в котором время почти остановилось (время неоднократно названо неспешным: «прелесть неспешного хода времени» (Миль, 2011), «...в неспешном течении нашей жизни...» (Миль, 2011)), перемены не происходят (жизнь в Павлодаре названа ровной: «...в ровную провинциальную жизнь» (Миль, 2011)). Волны исторического развития не докатываются до столь отдалённых, захолустных мест. В мемуарах Миля Павлодар наделен чертами в целом свойственными провинциальному городу в русской литературе, т. к. «характерные черты провинциальной жизни – размеренный уклад, приверженность традициям, скука, медлительность, скудость внешних впечатлений...» (Шутая, 2015).

Это приводит к мысли, что Павлодар 1930-х годов в мемуарах Миля имеет черты хронотопа провинциального городка, открытого М. М. Бахтиным: учёный характеризует его как «провинциальный мещанский городок» (Бахтин, 1975), наделенный рядом преимущественно отрицательных черт, таких как затхлый быт, повторяющиеся «бывания» вместо настоящих событий и аналогичные явления того же ряда. В этом ключе примечательны высказывания философа о том, что «такой городок – место циклического бытового времени» (Бахтин, 1975), а также о том, что «время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся» (Бахтин, 1975). По словам М. М. Бахтина, «этот городок имеет несколько разновидностей, в том числе и очень важную – идиллическую» (Бахтин, 1975). Образ Павлодара в мемуарах Миля видится примером подобной разновидности хронотопа провинциального городка. Мотивы города-прошлого и города-сна, упомянутые выше, являются частными проявлениями провинциального хронотопа.

В подобном застывшем вязком времени, которое не течёт, а тянется, мелкие бывания, упомянутые М. М. Бахиным, неощутимы, а потому незаметны: время жизни провинциального городка однородно, недискретно. В таком городке ничего не меняется (потому он является консервацией прошлого). Ход истории ощутим во времени провинциального городка сильнее всего тогда, когда она врывается в него трагическими событиями. В павлодарском локальном тексте подобными событиями 1930-х годов, отражёнными в мемуарах А. В. Миля, являются эпидемия тифа и сталинские репрессии.

Примечательно, что речь о локальной катастрофе, эпидемии тифа, автор начинает с обзора общенародной трагедии, коллективизации: «Начиналась коллективизация. Крестьянина, который пошёл в революцию ради земли, ради возможности растить на ней хлеб, объявили “кулаком” и принялись истреблять под корень. Каждого настоящего хозяина, способного создать на своём участке земли крепкое рентабельное хозяйство, ликвидировали “как класс” с неотвратимостью и жестокостью, на которую способны лишь тупой фанатизм, мракобесие и вандализм варвара» (Миль, 2011). Таким образом, история павлодарской провинции вводится в общесоветскую историю, становится её частью. Описывая эпоху, мемуарист применяет приём ступенчатой градации в организации художественного пространства, сужая его от размеров всей страны до размеров региона («И поэтому, когда кочевым народам, населявшим азиатские области государства, и, в частности, казахам было предписано переходить к осёдлому существованию, как к первому шагу на пути к коллективизации, это было равносильно катаклизму <...> Начался падёж скота и, как следствие, голод. Вымирали целые аулы» (Миль, 2011)) и отдельного города («К зиме на улицах города появились трупы» (Миль, 2011)) в рамках одного абзаца. Как известно, голод в Казахской ССР 1930–1933 годов, «во время которого <...> погибло около 1,5 миллионов человек, из которых 1,3 миллиона были этническими казаками» (Volkava, 2012), «начался зимой 1930 года» (Ohaуon,

2013), что с учётом на указание в мемуарах времени событий («Заканчивалось третье десятилетие XX века» (Миль, 2011)) не оставляет сомнений, что речь идёт об общесоветском голоде.

С помощью указанного выше приёма ступенчатой градации автор переходит от констатации общесоветской беды («Это была чудовищная акция, ставшая трагедией народа-хлебороба» (Миль, 2011)) к картине локальных лишений: «К зиме на улицах города появились трупы. Люди гибли от голода и мороза. Трупы свозили в полуразрушенный собор на базарной площади и складывали штабелями, не успевая хоронить. И, как бывало уже не раз, вслед за голодом пожаловала эпидемия. Начался сыпняк. Если голод косил прежде всего казахов, то сыпняк не щадил никого» (Миль, 2011). Эпидемия сыпного тифа, продлившаяся в Павлодаре всю зиму в начале 1930 года, «к весне <...> стала отступать» (Миль, 2011).

Примечательно, что мотив смерти и связанные с ним мотивы голода и болезни («скорбные дни эпидемии» (Миль, 2011)) будут звучать в локальном тексте Павлодара 1930-х годов только в отношении указанных исторических событий, имеющих, как уже упомянуто, общесоветский характер; за исключением этого, павлодарскому локальному тексту в мемуарах Миля свойственен мотив изобилия, сытости, о котором пойдёт речь позже.

Эпоха сталинских репрессий отражается в провинциальности павлодарского локального текста 1930-х годов темой политических преследований, которая воплощается в мотивах города-тюрьмы (упрятали в Павлодар) и города-убежища (спрятались в Павлодаре). Примечательно, что реализация одной темы в двух мотивах-образах амбивалентна: в ней прослеживается как семантика наказания (т. н. ссыльные не по своей воле), так и семантика спасения (т. н. ссыльные по своей воле). И первая, и вторая коренятся в провинциальности города: в настолько «глухом забытом Богом» (Миль, 2011) месте как власть насильно прячет людей, так и люди по своей воле прячутся от власти, причём в обоих случаях это происходит для того, чтобы их не было слышно и видно.

Семантика наказания очевидна в образах ссыльных: в 1930–1940-е годы Павлодар был местом ссылки для политически неблагонадёжных граждан, рассказы о которых составляют большую часть текстов павлодарских мемуаров как Миля, так и Бешкарева. Имея в виду конец 1920-х – начало 1930-х, автор «Воспоминаний» заявляет, что «уже в те годы Павлодар был местом, куда по этапу шёл непрерывный поток людей: бывшие буржуи и “спецы”, интеллигенция и духовенство, “вредители” и “раскулаченные”, эсеры и троцкисты, служащие и рабочие – вчерашние большевики, заподозренные в принадлежности к различным “блокам” и т. д. и т. п.» (Миль, 2011). Среди ссыльных встречались также люди, сбежавшие «из гитлеровской Германии от преследований за принадлежность к коммунистической партии» (Миль, 2011): рассказывая о своём учителе рисования, немецком художнике Вильгельме Штигеле, автор отмечает, что «приём, оказанный ему страной великого Ленина, был для Вилли неожиданным: арест, тюрьма, концлагерь, ссылка в Павлодар» (Миль, 2011). Миль в начале воспоминаний свидетельствует, что «уже к концу нашего пребывания в Павлодаре в 1939 году город был наводнён жителями Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, которым СССР «протянул руку помощи» (Миль, 2011), повторяя то же с некоторыми деталями в конце павлодарских глав: «Павлодар был буквально заполнен жителями Западной Украины, Западной Белоруссии и Польши. На улицах и в магазинах слышалась непривычная речь, то и дело мелькали столь редкие в былые времена еврейские лица» (Миль, 2011). Изрядную долю его воспоминаний о Павлодаре занимает рассказ «о страшной участи большей части этих людей» (Миль, 2011).

Так, выразительны воспоминания Миля об «отметке» ссыльных: «Я видел, проходя почти ежедневно мимо здания ГПУ, череду бредущих туда фигур, которые должны были являться ежедневно, чтобы личной росписью в специальном регистрационном журнале удостоверить своё присутствие в месте ссылки. В течение многих лет я наблюдал, как эти сильные духом люди, не сгибавшиеся под гнётом бытовых лишений, физических тягот жизни, мрачнели, уходили “в себя”, надламывались нравственно в чёрные дни “отметок”...» (Миль, 2011). Примечателен синоним «фигуры» к слову «люди», выбранный автором для обозначения ссыльных в первом предложении приведённой выше цитаты. В противопоставлении с фразой «сильные духом

люди» оборот «бредущие фигуры» видится лишённым человеческой составляющей: идущие на «отметку» ссыльные словно уже не люди, а лишь их тени. В сочетании с упоминанием «бытовых лишений» этот образ наводит на мысль, что наибольшую трудность для ссыльных в Павлодаре составляло не преодоление «физических тягот жизни», а борьба за сохранение человеческого достоинства. Павлодар как город-тюрьма в мемуарах Миля предстаёт местом, лишаящим человека его «человечности», стремящимся стереть его личность до состояния «фигуры».

В крайнем проявлении мотива города-тюрьмы речь может идти не только о социальной или моральной гибели человека, но и о физической. В этом отношении показательны воспоминания о лагере военнопленных на Иртыше, по времени относящиеся к началу Второй мировой войны: «Ходили слухи, что на небольшом островке, расположенном на Иртыше напротив города, устроен лагерь, в котором содержатся офицеры Польской армии. И хотя прочный лед сковывал реку и расстояние до острова было невелико, приближаться к острову стало опасно. Было непонятно, что будет с этими людьми весной, ибо все знали, что остров в половодье целиком заливают и он скрывается под водой. Весна 1940 года не стала исключением...» (Миль, 2011).

Примечательно, что тема ссыльных оказывается связанной с оппозицией «столица – провинция» в культурном плане: «Жизнь нашей семьи в течение десяти лет – с 1929 по 1939 год связана с яркими интересными личностями, о которых я буду писать, ибо они – эти люди – цвет и гордость России <...> Музыка, языки, живопись – всё это дали мне те, кого пыталась уничтожить советская власть» (Миль, 2011), т.е. в данном случае ссыльные, т.к. Павлодар преимущественно не мог удовлетворить не только современных автору, но и базовых культурных потребностей, о чём можно сделать вывод из некоторых цитат: «В условиях Павлодара, где добыть какие-либо ноты было делом вообще маловероятным...» (Миль, 2011).

Как было сказано выше, семья Милей была в некотором смысле одинока в Павлодаре: среди местных не было никого аналогичного культурного уровня, кроме ссыльных, являющихся так же иногородними, непавлодарцами. Так оппозиция «столица – провинция» получает выражение в оппозиции «павлодарцы – непавлодарцы», где первые в павлодарском локальном тексте мемуаров Миля имплицитно являются носителями провинциального, малокультурного, отсталого, а вторые эксплицитно воплощают столичное, высококультурное, передовое. Подобная оппозиция более заметна в «Павлодарских былях» Бешкарева.

Семантика спасения реализуется в образах беглецов от политических преследований, которых фигурально можно назвать ссыльными по своей воле. Так, рассказывая о деятельности отца после эпидемии тифа в Павлодаре, Миль отмечает, что для него «начались годы молчаливого подвижничества» (Миль, 2011), имея в виду содействие «спасению от гибели многих людей» (Миль, 2011) через переезд в Павлодар. Такие мероприятия автор шутливо обозначает «спасательные операции» (Миль, 2011). В этом отношении показательно упоминание сосланной в Павлодар семьи раскулаченного украинца Иванченко: «Это была большая семья, все члены которой оказались на грани гибели от голода, болезней, отсутствия крыши над головой и – главное – надежды. Каждый работоспособный человек в этой семье получил работу в роддоме, все поселились в служебной квартире при нём» (Миль, 2011).

Говоря об увиденных в Павлодаре бывших офицерах, вызывавших в детстве у мемуариста удивление тем, что они не работают, а занимаются домом, Миль называет их специально забравшимися «в глухой забытый Богом уголок, чтобы не мозолить глаза властям, вращающимся в новую жизнь, адаптироваться к ней» (Миль, 2011). Вспоминая упомянутых выше соседей, с которыми первое время в Павлодаре Милям пришлось жить в одном доме, автор называет Владимира Львовича Головчинера, приехавшего вслед за ними из Ленинграда зубного врача, который «в годы НЭПа <...> занимался делами далёкими от стоматологии, и потому пошёл за благо уехать из Ленинграда “по собственному желанию”» (Миль, 2011).

Таким образом, провинциальность Павлодара оказывается не только наказанием в виде лишения человека благ современной цивилизации, сосредоточенных в столицах, но и возможностью спрятаться от преследований со стороны властей и тем самым выжить.

Социально-бытовой аспект представлен тем, что Миль обращает внимание на провинциальность Павлодара также в отношении быта и благоустройства города: «...печи топились дровами и кизяком, помещения освещались керосиновыми лампами, единственным видом транспорта была лошадь. Разнообразие в транспортных средствах представлял лишь двугорбый верблюд» (Миль, 2011). В обобщённом описании Павлодара, которое даёт автор в одном из первых абзацев, ощущим акцент на малонаселённость, компактность и неблагоустроенность города: «Павлодар в те годы представлял собой поселение на сорок тысяч жителей, протянувшееся вдоль высокого берега Иртыша. Прямые улицы были застроены деревянными домишками. Лишь вдоль двух-трех центральных улиц стояли двухэтажные каменные строения, да имелись тротуары. Проезжая часть всех улиц, включая центральные, не была замощена, люди и лошади брели по ним, увязая по щиколотку в мелком сыпучем песке. При малейшем дуновении ветра песок летел, забивая глаза, рот, уши, попадая под одежду, в обувь. А если ветер усиливался, то песок еще и больно сёк кожу лица и рук» (Миль, 2011). Также в мемуарах говорится, что город живет в «в условиях хронического бездорожья» (Миль, 2011).

Некоторые черты павлодарского быта свойственны больше деревне, нежели городу: «Я еще помню, как пастухи наиболее богатых хозяев-баев гнали скот на водопой к Иртышу, и табуны коров, баранов, лошадей и верблюдов, поднимая тучи песка и пыли, пересекали весь город, двигаясь сначала к реке, а затем возвращаясь к загонам, примыкавшим к мазанкам хозяев на границе города и степи» (Миль, 2011). Вкупе с указанным выше делает похожей Павлодар на деревню и удалённость от путей сообщения: «Железнодорожная станция находилась в степи в нескольких километрах от жилья» (Миль, 2011). Павлодар 1930-х, по воспоминаниям Милья, в целом не производит впечатления города: «Было непонятно, куда же мы приехали, пока не добрались до того, что, собственно, и было городом» (Миль, 2011).

Город-деревня – ещё один мотив, в котором реализуется провинциальность как одна из базовых черт литературного локального текста Павлодара. Роднят город с деревней и описанные мемуаристом особенности ведения домашнего хозяйства: «...в начале зимы была куплена <...> первая корова (потом появилась вторая). В дальнейшем всегда были куры, к зиме откармливался поросёнок»; «...хлеб пекли дома в большой русской печи, стоявшей в центре кухни» (Миль, 2011). Примечательно, что деревенский образ жизни обозначается как единственно возможный: «В те времена в Павлодаре жизнь могла быть сносной лишь в том случае, если семья вела почти натуральное хозяйство» (Миль, 2011).

Образ провинциального городка, характеризующегося отсталостью, складывается не только из развёрнутых описаний, приведённых выше, но и из разбросанных по тексту бытовых деталей. Так, автор вспоминает: «Освещение в первый год жизни в Павлодаре было у нас керосиновым. Потом было проведено электричество, появился даже телефон» (Миль, 2011); «...в городе в те времена не было водопровода...» (Миль, 2011).

Необходимо отметить, что провинциальность Павлодара с точки зрения быта и благоустройства в мемуарах Милья (равно как и с точки зрения рассмотренной выше удалённости от метрополий) амбивалентна, т.к. автор отмечает в ней и положительные стороны: «На рынке, куда стала ходить мама за продуктами, её ошеломила дешевизна и невозможность купить небольшое количество пищи <...> Мясо <...> здесь брали кусками туши или, по крайней мере, несколько килограммов» (Миль, 2011). Удалённость от крупных центров оборачивается не только бытовой неблагоустроенностью и дикостью нравов, но и изобилием вкупе с дешевизной. Мотив изобилия поддерживает типичная региональная деталь – павлодарские арбузы: «Купив продукты, мама обычно выбирала небольшой спелый арбуз и вручала его мне, чтобы я нёс его домой» (Миль, 2011).

С мотивом изобилия связан мотив бегства. Так, А. В. Миль вспоминает о соседях, А. Ф. и Н. К. Яковлевых, «которых в Павлодар привела с Украины нелёгкая судьба» (Миль, 2011), вероятно, под нелёгкой судьбой имея в виду начинавшийся на Украине голодомор 1932–1933 годов. В пользу такого предположения говорит и указание на время прибытия Яковлевых в Павлодар («На второй год нашей жизни в Павлодаре мои родители познакомились, а затем и под-

ружились с пожилой четой, поселившейся в соседнем доме» (Миль, 2011)), и рассказ о трудностях, переживаемых оставшимися на Украине друзьями Яковлевых («Они рассказали папе, что в Киеве живёт их приятельница, молодая дочь которой <...> с мужем <...> буквально бедствуют» (Миль, 2011)). Изобилие и дешевизна жизни в провинции в сравнении со столицей оказывается не только чертой отсталости, но и возможностью выжить. Так в провинциальности Павлодара в мемуарах Милия проступает семантика спасения, о которой более подробно было сказано выше.

По мысли Милия, проявления провинциальности Павлодара, помимо неблагоустроенности городского пространства и бытовых неудобств (т. н. внешняя провинциальность), заключены в особенностях нравов и обычаев горожан (т. н. внутренняя провинциальность), что видится автору более важным: «Но дело было не в технических приметах времени. Главное отличие заключалось в стиле человеческих отношений, образе жизни и строе мышления людей, круге их интересов» (Миль, 2011).

С одной стороны, Миль оценивает провинциальность павлодарского менталитета положительно, неявно противопоставляя его советскому взгляду на жизнь: «...я получил возможность <...> получить воспитание и домашнее образование более характерное для детей прошлых поколений» (Миль, 2011). Так, говоря о советском офицерстве, Миль подчёркивает, что «оно живет по тем же законам беззакония, заражено теми же пороками и болезнями, которые именуются “советским образом жизни”» (Миль, 2011). Как видно, для Милия советский образ жизни – это болезнь и порок, который почти не ощущается в Павлодаре.

С другой стороны, в отношении менталитета павлодарцев Миль использует оборот «дикость нравов» («...нас подавлял изнуряющий зной, дикость нравов и сонное существование» (Миль, 2011)), имея в виду высокий в сравнении с местным уровень культурного развития его семьи, которому в Павлодаре соответствовали только такие же приезжие, как Мили. Так, вспоминая семью Головчинеров, с которыми семья Милей вынужденно жила в одном доме первое время по приезду в Павлодар, мемуарист определяет их как «наиболее близкие нам по уровню развития люди в Павлодаре» (Миль, 2011).

Подчинённый административный статус, отражающийся в составе населения («Население Павлодара, в основном, составляли русские. Большей частью это было семипалатинское казачество» (Миль, 2011)), обнаруживая себя в тексте, также указывает на провинциальность города: как известно, Павлодар вышел из подчинения Семипалатинска и стал самостоятельным областным центром лишь в 1938 году.

В то же время провинциальность Павлодара в мемуарах Милия не является предельной. Так, говоря о своём первом учителе, ссыльном Бартоломее, автор отмечает: «тем, кто сослал его в Павлодар, видимо, показалось, что Павлодар слишком для него “хорош”. И его с семьёй <...> отправили в ещё бóльшую глушь» (Миль, 2011). О каком именно месте идёт речь, остаётся неизвестным. В рамках данного исследования важно, что Павлодар в глазах Милия – не самая большая глушь (если можно отправить из Павлодара «в ещё бóльшую глушь»).

Миль на протяжении всего текста, проявляя себя как автор с колониальным, несоветским, дореволюционным взглядом на все, прямо называет Павлодар 1930-х провинциальным городом России («Как во всяком провинциальном городе России...» (Миль, 2011)) с типичными для него представителями умственного труда («Было там десятка три семей местной “разночинной” интеллигенции: врачи, учителя, фельдшерицы, бухгалтеры, несколько инженеров» (Миль, 2011)), к социальной группе которых принадлежала и семья мемуариста. Давая характеристику местной интеллигенции на примере врачей, в среде которых рос автор (его отец был известным в Павлодаре акушером-гинекологом), Миль отмечает, что «быт этих людей, стиль взаимоотношений во многом ещё носили следы традиций прошлого» (Миль, 2011), характеризуя их такими качествами, как «корпоративность, братство, взаимопомощь в «трудных случаях» и в жизненных перипетиях, профессиональная этика» (Миль, 2011). По Милею, традиции прошлого заключаются в лучших профессиональных и человеческих качествах, которые не свойственны советскому обществу 1930-х годов, но обнаруживаются у жителей Павлодара, т. к. это город будто бы из прошлого века.

Неверным будет утверждать, что в тексте перечисленные выше положительные черты относятся исключительно к ссыльным. Показательно в этом отношении упоминание в мемуарах Михаила Васильевича Лопатина, в прошлом директора мужской гимназии города. Его развёрнутый портрет с описанием внешних и внутренних черт – павлодарский образец провинциального интеллигента: «...папа приехал домой не один. С ним вошёл дряхлый старичок небольшого роста с седой “скобелевской” бородой, расчёсанной на две стороны. Его умные маленькие глазки смотрели из-за очков внимательно и добро. Одет он был в тщательно отглаженный выдавший виды то ли сюртук, то ли даже вицмундир с “цивильными” пуговицами. Голова и руки у него слегка дрожали. Но когда он подошёл к маме и бабушке, а затем стал знакомиться со мной, меня ошеломили своей непривычностью его учтивые манеры. <...> ... занятия с Михаилом Васильевичем всегда доставляли мне радость. Своим тихим дребезжащим голосом он умел так интересно рассказывать о любых вещах, так мог увлечь меня, что моя фантастическая в те годы рассеянность улетучивалась без следа» (Миль, 2011). Также Миль упоминает врачей, составлявших цвет павлодарской интеллигенции до Октябрьской революции, т. е. (в сравнении со ссыльными) коренных павлодарцев: И. П. Тимирязева, Михельсона, П. И. Иванова. Так, говоря о том, что «одним из старейших врачей в Павлодаре был Иван Павлович Тимирязев», автор отмечает, что он работал «там ещё до переворота 1917 года» (Миль, 2011).

В мемуарах Милия тема медицинской интеллигенции (и интеллигенции вообще) придает провинциальности Павлодара литературное звучание. По Миллю, Павлодар 1930-х – это чеховский провинциальный городок: «Вообще надо сказать, что павлодарская интеллигенция того времени и врачи, в частности, их быт, психология – всё это было “по Чехову”, да и действие “разыгрывалось” в декорациях той же эпохи» (Миль, 2011) с сообразными ему жителями.

Так, И. П. Тимирязеву автор дает определение «весьма своеобразная личность – собирательный чеховский тип» (Миль, 2011), подчеркивая, что «в нём сочетались Ионыч, и Чебутыкин, и многие другие персонажи Антона Павловича» (Миль, 2011) и что «Иван Павлович – ворчун и циник, прикрывал этой маской доброе сердце и типичное земское подвижничество» (Миль, 2011). Говоря о врачах П. И. Иванове и его жене Марии Ксенофонтовне, которые «считались самым важным и, можно сказать, самым «аристократическим» семейством города» (Миль, 2011), мемуарист отмечает, что «это были настоящие русские медики, опять таки чеховского склада» (Миль, 2011), а именно «представители той самой российской интеллигенции, душа которой открыта для всех скорбящих, а дела направлены на благо окружающих их людей» (Миль, 2011). «Чеховский склад» Миль подчёркивает показательной деталью интерьера: «огромный портрет Антона Павловича всегда висел в домашнем кабинете Иванова» (Миль, 2011).

Упоминание в мемуарах чеховских персонажей влечёт ряд литературных ассоциаций, связанных с образом провинциального города. Так, самый показательный представитель павлодарской интеллигенции сравнивается автором с Чебутыкиным. Чебутыкин, персонаж чеховской пьесы «Три сестры» – шестидесятилетний военный доктор, живущий, как и прочие герои, в губернском городе, где жители «едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством» (Чехов, 1978).

Один из способов разнообразить жизнь в губернском городке и «не отупеть от скуки», не указанный в чеховской цитате, – адюльтер. Так, говоря о том, что И. П. Тимирязев «женат был на красивой, но безумно сварливой еврейке, о которой он трогательно заботился» (Миль, 2011), Миль отмечает, что «при этом весь город знал <...>, что у него есть любовница – медицинская сестра по имени Феня» (Миль, 2011). Примечательно, что И. П. Тимирязев «и не делал из этого секрета» (Миль, 2011). Данное примечание связывает тему провинциальной интеллигенции с мотивом города-деревни: в провинциальном городке, как в большой деревне, все всё про всех знают («...Павлодар был маленьким провинциальным городом, где жизнь каждого <...> проходила у всех на виду») (Миль, 2011).

В рамках данного исследования как вариант адюльтера может рассматриваться флирт. В этом отношении показателен образ Марии Ксенофонтовны, которую автор наделяет примеча-

тельной характеристикой — типичной провинциальной львицы: «Это была типичная провинциальная “львица”, любившая кружить головы мужчинам и повергать их к своим ногам. Вскоре мы стали свидетелями такого “головокружения”, которое она вызвала у моего двоюродного брата Шурика, бывшего на пятнадцать лет моложе её. Роман этот зашёл достаточно далеко и принял скандальный характер» (Миль, 2011). Вероятно, и сам роман, и скандал, к которому он привёл, были устроены с одной целью – развеять провинциальную скуку, столь свойственную и провинциальному хронотопу вообще, и чеховскому провинциальному городку в частности, через призму которого Павлодар отчасти был отражён Милем.

Неверность как черту провинциальной жизни автор наблюдал не только вне семьи, но и внутри: отдельная небольшая глава «Воспоминаний» посвящена «куда более сложным отношениям» (Миль, 2011) между его матерью и уже упомянутым выше Павлом Васильевичем Гельмерсеном, близким другом семьи Милей во время их жизни в Павлодаре. Необходимо подчеркнуть, что автор сам обращает внимание на связь между пробудившимся чувством и жизнью в захолустье: говоря о матери, он отмечает, что «в повседневной провинциальной жизни её, конечно, не удовлетворяла достаточно однообразная роль хозяйки дома, матери и жены...» (Миль, 2011). С мотивом адюльтера в данном случае оказывается связанным мотив провинциальной малокультурности и, как следствие, одиночества ссыльных в Павлодаре, о чём шла речь выше: вспоминая, как во время визита гостей по вечерам «мама принимала “дам”» (Миль, 2011) (выделение слова «дам» кавычками, возможно, предпринято для придания ему иронического звучания), автор подчёркивает, что это «опять-таки не приносило ей удовлетворения» (Миль, 2011).

Выводы

Литературный локальный текст Павлодара 1930-х годов сформирован отнюдь не только мемуарами Миля. Для полного представления о нём необходимо всесторонне сравнить полученные в данном исследовании результаты с аналогичным анализом «Павлодарских былей» Бешкарева, а также продолжать поиск других произведений, связанных с довоенным временем Павлодара. Нельзя игнорировать вероятность обнаружения художественных текстов подобного характера, т. к. «русская литература Казахстана — <...> малоизученный сегмент современной русской филологии, русская литература павлодарского Прииртышья — вовсе не изученный ее сегмент» (Приходченко, 2022). Только при условии исчерпывающего рассмотрения всех репрезентативных для города сочинений возможно составить полный литературный локальный текст Павлодара и через него лучше познать истинную природу города на Иртыше.

Источники

- Анциферов Н. П. (1922) Душа Петербурга. Петербург, Брокгауз—Ефрон, 228 с.
- Барт Р. (2003) Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., Издательство им. Сабашниковых, 512 с.
- Бахтин М. М. (1975) Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. В кн. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., Художественная литература, 407 с.
- Бешкарев Г. А. (2013) Павлодарские были (Записки о Павлодаре) В кн. Нуркенова С. Ф., Токатова Л. Е. Павлодар литературный: Хрестоматия для учащихся школ, колледжей, вузов. Под ред. Н. Г. Шафера. Павлодар, Научно-издательский центр Павлодарского государственного педагогического института, 282 с.
- Дженкс Ч. (1985) Язык архитектуры постмодернизма. М., Стройиздат, 136 с.
- Ковалёв Ф. (2015) Довоенный Павлодар Абрама Миля. Наша жизнь, № 10, <https://lifepvl.kz/2015/03/16/412/>
- Леви-Строс К. (2001) Структурная антропология. М., Эксмо-Пресс, 512 с.
- Линч К. (1982) Образ города. М., Стройиздат, 328 с.
- Лотман Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб., Искусство—СПб., 704 с.
- Миль А. В. (2011) Люди и судьбы. Воспоминания. Еврейская старина, №4. <https://berkovich-zametki.com/2011/Starina/Nomer4/Mil1.php#Часть%20вторая>
- Нуркенова С. Ф., Токатова Л. Е. (2013) Павлодар литературный: Хрестоматия для учащихся школ, колледжей, вузов. Под ред. Н. Г. Шафера. Павлодар, Научно-издательский центр Павлодарского государственного педагогического института, 282 с.
- Приходченко И. О. (2022). Оппозиции в локальном тексте художественной прозы Павлодара (на материале павлодарской мемуарной литературы 1930-х годов). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 2, с. 60–69.

- Приходченко И. О. (2023) Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, том 17, № 1, с. 30–42.
- Соколкин Э. Д. (1982) Павлодар: Историко-информационный путеводитель. Алма-Ата, Казахстан, 96 с.
- Тереник М. С. (2001) Павлодар: это нашей истории строки. Часть 1 (1720-1945 гг.). Павлодар, НПФ «ЭКО», 292 с.
- Топоров В. Н. (1995) Петербургские тексты и Петербургские мифы. В кн. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., Прогресс, с. 368–400.
- Чехов А. П. (1978) Три сестры. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. АН СССР. Институт мировой лит. им. А. М. Горького. М., Наука. Т. 13. Пьесы. 1895–1904, с. 3–116.
- Шутая Н. К. (2015) К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа. *Мир науки*, № 1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf>
- Ohayon Isabelle (2013) The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization, Mass Violence & Résistance URL: <http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/kazakh-famine-beginnings-sedentarization>
- Volkava Elena (2012) The Kazakh Famine of 1930-33 and the Politics of History in the Post-Soviet Space. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-kazakh-famine-1930-33-and-the-politics-history-the-post-soviet-space>

References

- Antsiferov N. P. (1922) Dusha Peterburga [The Soul of St. Petersburg]. St. Petersburg, Brockhaus—Efron Publ., 228 p. (In Russian).
- Bakhtin M. M. (1975) Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In the book: Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., pp. 234–407 (In Russian).
- Bart R. (2003) Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury [Fashion System. Articles on the semiotics of culture]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 512 p. (In Russian).
- Beshkarev G. A. (2013) Pavlodarskie byli (Zapiski o Pavlodare) [Pavlodar stories (Notes about Pavlodar)] In the book: Nurkenova S. S., Tokatova L. E. (2013) Pavlodar literaturnyj: Hrestomatiya dlya uchashchihsya shkol, kolledzhej, vuzov [Pavlodar literary: Chrestomathy for students of schools, colleges, universities]. Edited by N. G. Shafer. Pavlodar, Scientific and publishing center of Pavlodar state pedagogical institute, pp. 228–265 (In Russian).
- Chekhov A. P. (1978) Tri sestry [Three sisters]. Complete works and letters: In 30 vols. Essays: In 18 vols. Akademiya nauk SSSR. Institut mirovoj literatury imeni A. M. Gor'kogo [USSR Academy of sciences. Institute of world literature named after A.M. Gorky]. Moscow, Nauka Publ. Vol. 13. Poems. 1895–1904. pp. 3–116 Available at: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/spo/spd/spd-117-.htm> (In Russian).
- Jenks Ch. (1985) Yazyk arhitektury postmodernizma [The language of postmodern architecture]. Moscow, Stroyizdat Publ., 136 p. (In Russian).
- Kovalev F. (2015) Dovoennyj Pavlodar Abrama Milya [Pre-war Pavlodar of Abram Mile]. *Nasha zhizn' - Our life*, No. 10. Available at: <https://lifepvl.kz/2015/03/16/412/> (In Russian).
- Levi-Strauss K. (2001) Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 512 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (2000) Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Art—St. Petersburg Publ., 704 p. (In Russian).
- Lynch K. (1982) Obraz goroda [The image of the city]. Moscow, Stroyizdat Publ., 328 p. (In Russian).
- Mil A.V. (2011) Lyudi i sud'by. Vospominaniya [People and destinies. Memories]. *Evrejskaya starina - The Jewish antiquity*, No. 4. Available at: <https://berkovich-zametki.com/2011/Starina/Nomer4/Mil1.php#Часть%20Вторая> (In Russian).
- Nurkenova S. S., Tokatova L. E. (2013) Pavlodar literaturnyj: Hrestomatiya dlya uchashchihsya shkol, kolledzhej, vuzov [Pavlodar literary: Chrestomathy for students, colleges, universities]. Edited by N. G. Shafer. Pavlodar, Scientific and publishing center of Pavlodar state pedagogical institute, 282 p. (In Russian).
- Ohayon Isabelle (2013) The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization, Mass Violence & Résistance. Available at: <http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/kazakh-famine-beginnings-sedentarization>
- Prikhodchenko I. O. (2022) Oppozicii v lokal'nom tekste hudozhestvennoj prozy Pavlodara (na materiale pavlodarskoj memuarnoj literatury 1930-h godov) [Oppositions in the local text of the fiction of Pavlodar (based on the material of the Pavlodar memoir literature of the 1930s)]. *The Journal Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 16, no. 2, pp. 60–69 (In Russian).
- Prikhodchenko I. O. (2023) Lokal'nyj tekst provincial'noj literatury: k voprosu ob opredelenii ponyatiya i istorii izucheniya [Local text of provincial literature: on the definition of the concept and the history of study]. *The journal Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 17, no. 1, pp. 30–42 (In Russian).
- Shutaya N. K. (2015) K voprosu ob oppozicii stolicy i provincii v topologicheskoy sisteme russkogo romana [On the question of the opposition of the capital and the province in the topological system of the Russian novel]. *Mir nauki - World of Science*, No. 1. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf> (In Russian).

- Sokolkin E. D. (1982) Pavlodar: Istoriko-informacionnyj putevoditel' [Pavlodar: Historical and informational guide]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 96 p. (In Russian).
- Terenik M. S. (2001) Pavlodar: eto nashej istorii stroki. Chast' 1 (1720-1945 gg.) [Pavlodar: these are the lines of our history. Part 1 (1720-1945)]. Pavlodar, ECO Publ., 292 p. (In Russian).
- Toporov V. N. (1995) Peterburgskie teksty i Peterburgskie mify [Petersburg texts and Petersburg myths]. In the book: Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress Publ., pp. 368-400 (In Russian).
- Volkava Elena (2012) The Kazakh Famine of 1930-33 and the Politics of History in the Post-Soviet Space. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-kazakh-famine-1930-33-and-the-politics-history-the-post-soviet-space>

Информация об авторе

Илья Олегович Приходченко

Преподаватель спецдисциплин, магистр гуманитарных наук. Высший колледж имени М. Кананьянова НАО «Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана», г. Павлодар, Республика Казахстан. Аспирант. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-1800-8812. E-mail: pisosenko@mail.ru

Autor's information

Ilya O. Prikhodchenko

Teacher of special disciplines, Master of Humanities. Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. Postgraduate student. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-1800-8812. E-mail: pisosenko@mail.ru